

чам тушканчиков, нам не встречалось ни одного живого существа. Кочевники тоже куда-то исчезли; вероятно невыносимотягостный зной загнал даже этих привычных детей пустыни в более прохладную область высот Нойон-богдо... Лишь одни сильные вихри, словно таинственные демоны, разгуливали по открытой равнине, иногда подолгу кружась в дикой пляске на одном месте. Природа спала здесь тяжелым сном, похожим на смерть; о смерти же постоянно напоминали скелеты павших животных-верблюдов или лошадей — немые свидетели всех тягостей пустыни.

С особенным чувством облегчения, но вместе с тем и неясной грусти, оставили путешественники владения торгоут-бэйлэ и вступили на землю Балдын-цзасака. Граница двух соседних княжеств отмечена здесь полуразвалившейся глинобитной башней, и направляется с запада на юго-восток, восточнее горок Бага-хонгорчжэ.

Миновав урочище Ихэн-гун-худук, экспедиция отклонилась от своего прежнего маршрута и избрала новый, более прямой, северо-восточный путь по направлению к Урге. Мы шли в прорыв, с одной стороны образуемый холмами Хуху-арык, с другой характерной высотой Талэн-хайрхан, поднимавшейся солидной темносерою шапкою над равниной... К северу виднелись мягкие гребни каменистых волн, над которыми доминировали вершины Цзурумтай, Урт-хайрхан ¹⁾ и хребет Ихэ-аргалэнтэ.

Колодец Цогонда и прозрачный родник того же имени, на некоторое время задержали ходкое движение каравана: в этом симпатичном уединенном уголке пришлось сделать привал из-за мучившей моего старика Иванова болезни. Призванный для пользования больного врач-лама облегчил его только на самый короткий срок. Бедный страдалец заметно слабел, и, не веря в возможность выздоровления, сильно грустил, постоянно думая и говоря о смерти... Двадцать шестого июня он позвал меня к себе, для того, чтобы проститься, и сообщить свою последнюю волю... Казалось надежды на благополучный исход оставалось мало, но мы подбадривали друг друга и не падали духом...

¹⁾ Нам предстояло пройти между этими высотами.